

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Глобальная повестка устойчивого экономического роста
ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ И СОЗДАНИЕ ПРОЗРАЧНЫХ
РЫНКОВ**

Открытые дебаты ПМЭФ

20 июня 2013

18:00—19:15, Павильон 4, Зал 4.2

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Стивен Сэдвик, Телеведущий, CNBC

Выступающие:

Сергей Беляков, Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Георг Келл, Исполнительный директор, Глобальный договор ООН

Борис Титов, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Участник дискуссии:

Елена Николаева, Первый заместитель председателя комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

С. Сэдвик:

Насколько я понимаю, сегодня утром прошло еще одно заседание по вопросам коррупции, но там было гораздо меньше слушателей. Замечательно, что вы пришли на заседание CNBC, посвященное преодолению глобальной коррупции и созданию прозрачных рынков. По моему, это очень широкая тема, и я надеюсь, что в ходе этого заседания мы узнаем о ней много нового.

Сразу оговорюсь, что речь пойдет не только о России: мы будем обсуждать глобальную коррупцию. О российской коррупции написано немало и сказано тоже немало. Однако это вопрос глобального масштаба, и я приведу один случай, который объясняет, почему я так считаю. У меня на работе стоит терминал агентства Reuters. Я ввел в него слово «коррупция». Я не стал писать «борьба с коррупцией». Не стал писать «коррупированные лица». Не стал писать «кто борется с коррупцией». И вот что у меня вышло — в том порядке, в каком я получил ссылки: крикет, Австралия, Аргентина, Бразилия, Ватикан, Мексика, Латвия, Аризона, Конго, Иордания, Таиланд, Британия, Греция, Куба. России в этом списке я не увидел. Я не хочу сказать, что в России нет такой проблемы. Я хочу сказать, что это глобальная проблема.

Второе, что я хотел сказать по этому поводу, — что эта неделя выдалась у меня очень напряженной: вместе с господином Путиным и господином Обамой я побывал в прекраснейшем уголке северо-западной Ирландии, в городе Эннискиллен, который пока еще входит в состав Соединенного Королевства. Там Дэвид Кэмерон рассказал о существующей «триаде»: налоги, прозрачность и торговля. Так вот, что касается первых двух пунктов, то разговоры велись в основном о том, как бороться с «оптимизацией» налогообложения и уклонением от уплаты налогов в глобальном масштабе, но, кроме того, еще и об отмывании денег. Я подумал: как интересно, что одним из главных достижений «Группы восьми» считается договоренность между лидерами «Группы восьми» — в том числе господином Путиным, господином Обамой, господином Олландом и другими — о том, чтобы решить

эти проблемы там, где делают деньги, и, соответственно, создать порядок их обложения налогами.

В этой связи мы можем обсудить много вопросов, однако прежде чем я объявлю о начале дискуссии, надо задать правила участия в ней. Объясню очень коротко. Презентации в PowerPoint нагоняют на меня смертельную скуку: я просто не перевариваю, когда кто-то встает и показывает мне 50 слайдов в PowerPoint. И длинных выступлений я тоже не люблю. Так что я хочу добиться от участников заседания живой реакции и участия в обсуждении. Некоторых из вас я уже знаю. Мы знакомы с Георгом. Я очень хорошо знаю Сергея. Я уверен, Борис, что и Вы человек того же склада. У нас также есть замечательные гости, здесь присутствует Елена. Чего мне хочется, так это чему-то научиться. И я обязательно чему-нибудь научусь, если все вы будете живо участвовать в сегодняшнем обсуждении. Вот как мы будем действовать. У нас по всему залу имеются микрофоны. Если вы в какой-то момент захотите поучаствовать в дискуссии, пожалуйста, поднимите руку. Я сейчас немного развернусь, чтобы всех видеть. Мы постараемся задействовать всех. Если вы считаете, что в ходе дискуссии возник очень хороший вопрос, или если вы сами хотите поднять какой-то вопрос, пожалуйста, говорите. Я взял с собой iPad, и не только потому, что у меня, по моему, еще никогда не было такой фантастической штуковины. Позвольте напомнить вам, что ПМЭФ — это интерактивное мероприятие, и оно стало очень современным. Чтобы принять участие в дискуссии, нужно прислать электронное письмо на адрес SPIEF2013OD@gmail.com или написать сообщение в Twitter с хэштегом #SPIEF2013OD. Я буду выбирать сообщения случайным образом, и если кто-то из вас очень застенчив и не хочет говорить при всех (я это понимаю), можете выбрать электронную форму участия. Здесь у нас — открытый микрофон.

Позвольте мне кратко представить вам участников дискуссии. Очень быстро: здесь у нас Сергей Беляков, заместитель Министра экономического развития Российской Федерации. Еще он прекрасно играет в хоккей, я сам видел. Кроме

того, с нами Георг Келл, исполнительный директор Глобального договора ООН. Он занимается анализом того, какие стандарты необходимы корпорациям, к чему они должны стремиться, а еще он работает над снижением числа случаев, когда компании не придерживаются правил. К нам также присоединился Борис Титов. Он уполномоченный по защите прав предпринимателей при Президенте Российской Федерации. Борис Титов сделал несколько очень интересных и провокационных замечаний по поводу амнистии, и теперь нам нужно обсудить это как глобальный вопрос.

Б. Титов:

Вы говорите, это провокационные замечания? Нет, это просто программа, которую мы продвигаем.

С. Сэдвик:

Отлично, об этом мы тоже поговорим! И, наконец, хочу представить еще одного человека, очень важного: Елена Николаева, первый заместитель председателя комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Елена, разумеется, будет участвовать в нашей дискуссии так же, как и все эти господа.

Итак, позвольте начать с обсуждения нашей темы в очень широком смысле. Конкретно о России мы поговорим немного позже, а сейчас, Сергей, пожалуйста, расскажите, как Вы видите проблему в глобальном масштабе, с точки зрения более общих вопросов, которые нам сейчас предстоит обсудить.

С. Беляков:

Большое спасибо. Конечно, мы не считаем коррупцию феноменом исключительно российской экономики, но производимый ею эффект очень мешает нам развиваться. Я хотел бы высказать свои личные опасения по этому поводу; не знаю, насколько справедливы они по отношению к другим

странам. Тема коррупции обсуждается очень активно: это неприемлемое поведение, к которому не принято проявлять ни малейшей лояльности. Однако, осуждая его, многие по умолчанию допускают для себя некоторые проявления и бытовой коррупции, и коррупции, связанной с отношениями внутри бизнеса, между бизнесом и властью. Я специально сделал подборку за последний год таких случаев, которые стали известны общественности: она показывает, что названные типы коррупционного поведения характерны для многих стран.

Мы пытаемся бороться с коррупцией, выставляя на ее пути барьеры — в первую очередь законодательные, а эффект получаем противоположный. Выстраивается система барьеров, которая мешает предпринимателям проявлять активность. И хотя создается иллюзия борьбы с коррупцией, на практике все нелегальные схемы очень быстро адаптируются к новым правилам. Ничего кроме помех для законопослушных граждан эти правила не дают. Бюрократические процедуры умножаются и делаются все тяжелее, а в такой ситуации возникает очень серьезный соблазн решить вопрос неформально. Пусть дороже, зато быстро. Мы давим инициативу, мы формируем условия, когда чиновник не отвечает за свои действия, не имеет права на выбор: сделать или не сделать. При этом мы создаем огромное количество барьеров, формируя запретительное законодательство.

Это не значит, что с коррупцией не надо бороться путем совершенствования законодательства. Но очень важно не переусердствовать и сосредоточиться не на правовом поле, а на практических действиях правоохранительных органов. Причем я бы сделал акцент на наказании виновных. У нас выявляется много случаев коррупции, но привлечение к ответственности, даже просто осуждение коррупционеров далеко не всегда адекватно. А ведь есть гораздо более изощренные способы коррупции, чем банальная взятка.

К ответственности следует привлекать обе стороны нелегальной сделки. В ситуации с коррупцией нет правого, только виноватые. Предприниматель или компания, сознательно пошедшие на нарушение закона, не являются

жертвами. Все разговоры о том, жестко или мягко наше законодательство и легко ли вести деятельность легально, — от лукавого. Если законодательство не устраивает, его надо менять, но ни в коем случае нельзя поощрять поведение, которое идет вразрез с законом. Пока у нас этого не понимают. Думаю, что и в других странах картина не идеальная, поскольку там проявления коррупции распространены так же широко. По оценкам наших экспертов, в 2012 году объем рынка коррупционных услуг в России составил порядка 300 миллиардов долларов. Пугающая цифра, которая одновременно дает представление о масштабе теневой экономики. По оценкам экспертов одного из уважаемых изданий Соединенных Штатов (кажется, *Washington Post*, хотя я могу ошибаться), в 2008 году объем рынка коррупционных услуг только в сфере здравоохранения в США составил 60 миллиардов долларов — в пять раз меньше, чем в России, но это лишь один сектор. Значит, масштабы коррупции в наших странах сопоставимы.

Думаю, что и причина везде одна и та же. Человеку всегда хочется решить вопрос быстро. Человеку, который принимает решения, всегда хочется продать свою услугу подороже. Разница в том, как это реагирует власть. Не привлекая виновного к ответственности, мы формируем у людей лояльное отношение к коррупции, причем с самого юного возраста. Это недопустимо. Здесь очень много значит политическая воля, которую надо проявлять в каждой конкретной ситуации, вне зависимости от уровня чиновника. В противном случае мы разрушим нечто большее, чем бизнес, — основы государства. Правильная формулировка вопроса — не «бороться ли с коррупцией», а «как бороться с коррупцией». Если успех еще далеко, значит, не хватает политической воли, приоритет отдается чему-то другому.

Как может показаться, степень этого зла настолько велика, что с ним не справиться. С другой стороны, мы признали свою болезнь, а без постановки диагноза лечение невозможно. Последние случаи выявления фактов коррупции в России свидетельствуют, что провинившегося человека могут

привлечь к ответственности независимо от того, какую должность он занимает. Поэтому я настроен оптимистично.

С. Сэдвик:

Большое спасибо, Сергей. Вы упомянули много проблем: и недостаток политической воли, и вопрос о коррупции в государственном и в частном секторах и так далее. Вы оптимист, и, хотя это болезнь, Вы говорите о более прагматичном подходе. Через несколько минут мы вернемся ко всем этим соображениям. Георг, теперь перейдем к Вам. Сергей обрисовал здесь несколько важных проблем и указал, что сама по себе легальность и правоприменение важны, вероятно, в той же степени, что и новые законы. Поместите это в контекст того, что Вы видите в более глобальном масштабе: ведь Глобальный договор подписали семь тысяч компаний. Расскажите, какие меры, на Ваш взгляд, были бы наиболее эффективными в борьбе с коррупцией.

Г. Келл:

Спасибо. Мне очень приятно, что я здесь оказался. Прежде всего, я хочу сделать несколько замечаний о коррупции в целом. Да, это и в самом деле глобальная болезнь. Она встречается и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке. Она коренится в самой человеческой природе: в алчности, в стремлении к поиску легких путей и так далее. Скорее всего, она сопровождала человечество с самого начала. Однако я бы сказал, что в последние десять лет кое-что всерьез изменилось. Во-первых, технологические перемены невозможно обратить вспять. Везде набирают силу стремление к прозрачности и процессы раскрытия данных. Скрывать «темную сторону» становится все труднее. С точки зрения корпораций это значит, что больше нет смысла прятать свои скелеты по шкафам: тайное все равно станет явным, даже если оно скрыто где-то в глубинах цепочки

поставок. Так что технология и в самом деле помогает бороться с коррупцией. В этом не приходится сомневаться. Этот процесс набирает силу во всем мире. Во-вторых, в результате крупных скандалов в США, в Европе, в Азии — повсюду, корпорации усвоили, что таких ситуаций нельзя допускать: риск слишком велик. Если хочешь со временем создать себе репутацию, лучше позаботиться об этом заранее. Если в твоей организации процветает системная коррупция, ты не сможешь ни добиться успеха, ни стать лидером на мировом уровне. С коррупцией надо бороться. Нужны системы контроля за соблюдением норм, нужна нетерпимость к нарушениям, и необходимо действовать методом кнута и пряника. Причина происходящих процессов — в том, что во всех основных странах мира изменилось законодательство. Начало переменам положили, видимо, Соединенные Штаты, когда приняли закон «О коррупционной деятельности за рубежом». За ними последовала ОЭСР, затем — ООН, которая в 2003 году приняла Конвенцию против коррупции. В Европе взятки до последнего времени вычитались из суммы, облагаемой налогом. В последние десять лет произошли колоссальные перемены в культуре. В Азии корпорации тоже обнаружили, что если хочешь добиться успеха в долгосрочной перспективе, нужна чистая и здоровая этика. Задействованы глобальные силы. Думаю, поддержка борьбы с коррупцией растет во всем мире, и это очень хорошо.

С. Сэдвик:

Георг, позвольте мне вставить слово. Ведь политика нетерпимости к коррупции — это прекрасный идеал, но она не всегда совместима с реальной жизнью, верно? Если ваша корпорация, общественная организация или государственное учреждение работает в определенной обстановке, и их конечная цель — предоставить какую-то услугу или, скажем, жилье, то чтобы обеспечить это жилье и оказать услугу, вам, возможно, придется искать обходные пути, потому что иначе никакой услуги не будет. Такова культура, такова страна, и вы ничего не можете с этим поделать. Показательный пример

— благотворительные организации в Африке. Мы знаем, что если благотворительная организация решила работать в Африке, нужно выделить часть денег, которые мы собрали в кружку для подаяния — будь то здесь, в России, или в Великобритании, или где угодно, — на то, чтобы она получила возможность там работать.

Г. Келл:

Не согласен. Да, во многих местах по всему миру коррупция носит системный характер, однако с точки зрения корпорации, если хочешь добиться успеха — этического, общественного, связанного с окружающей средой, — выбора у тебя нет. Если задашь нужный тон, начиная с самого верха, твоему примеру будут следовать и другие. А стоит тебе допустить, скажем, какие-то выплаты, чтобы тебе «поспособствовали», — и ты на скользкой дорожке. Если хочешь, чтобы твоя организация была чистой, аккуратной, дееспособной, чтобы она стремилась к продуктивности, эффективности и максимальной производительности, надо задать верный тон и бороться с коррупцией по всей организации. Это не означает, что коррупции в таком случае не будет, но именно поэтому разумные корпорации налаживают системы раскрытия данных и публикуют отчеты. У них ежегодно устанавливаются текущие требования, у них работают контролеры, отслеживающие соблюдение законодательных и корпоративных норм, они каждый год сообщают, сколько человек им пришлось уволить из-за коррупции, и это дает сотрудникам важный сигнал. Действительно, некоторые корпорации на протяжении нескольких лет будут нести из-за этого убытки то там, то здесь, однако в целом организация станет гораздо сильнее.

С. Сэдвик:

Борис, поделитесь с нами своими мыслями о том, что мы сейчас обсуждали, — о политике нетерпимости. Я бы предположил, что нам, вероятно, нужен более реалистичный подход — в том смысле, что порой нужно проявлять

прагматизм. Как сказал Сергей, дело не только в новых законах, но и Георг совершенно справедливо говорит: если хочешь, чтобы твоя организация была чиста сверху донизу, нужна нетерпимость к нарушениям. Как выбрать верную дорогу?

Б. Титов:

Хотелось бы взглянуть на эту проблему с точки зрения бизнеса. Я только недавно начал получать зарплату от государства, а до этого всегда был предпринимателем. Я занимался бизнесом в разных странах, и ни разу не имел опыта коррупции, не сталкивался даже с попыткой коррупции, ни десять, ни 20 лет назад. В России же мы видим коррупцию практически каждый день. Каждое предприятие, работающее в России, рано или поздно сталкивается с этой проблемой или при получении каких-то рядовых разрешений, или на более высоком уровне глобальных для компании решений. К сожалению, проблема есть, и она носит системный характер.

Можно долго рассуждать о национальной приверженности к коррупции. Мне кажется, что это абсолютно неправильный подход. Наверное, в истории многих государств был такой период, как сейчас в России. Обострение наступило в 1990-е годы, когда мы уходили от достаточно малокоррупционной системы Советского Союза и прекратили платить зарплаты сразу огромному количеству чиновников советского периода, при этом оставив им некоторые полномочия. Их лишили материального достатка, лишили прежних привилегий и буквально толкнули на то, чтобы решать свои проблемы другими путями. Одновременно возник огромный неуправляемый институт бизнеса, получавший огромные прибыли, используя, по сути, государственные монополии, которые были приватизированы. Конечно, это вызвало всплеск коррупции в новейшей России.

Второй этап наступил в 2000-е годы, когда боролись с наследием 90-х. Порядок укреплялся прежде всего силами и средствами государства, а не частного бизнеса. Возросло количество чиновников. Да, ситуация в

определенной степени стабилизировалась. Но эта стратегия вкупе с особенностью сырьевой модели экономики, когда государство доминирует в ущерб частному бизнесу, привели к еще большему умножению рабочих мест в государственных учреждениях, где каждый чиновник имеет свои маленькие полномочия и пытается их капитализировать. Так что коррупция в современной России сделана нашими же руками за последние 20 лет.

Сейчас положение немного улучшилось. По крайней мере, начинает меняться общественное отношение к коррупции. Еще в 90-е годы она считалась совершенно нормальным повседневным явлением, но сегодня мы сделали серьезный шаг к тому, чтобы воспитать непримиримое отношение к ней, и коррупция стала уже постыдным фактом, а не обычным состоянием общественной системы.

Видеопрезентация:

Зарабатывать деньги очень просто.

Тысячи российских и зарубежных компаний ведут дела в России с идеально чистыми руками. Это реально.

Да, Россия сейчас — настоящая головоломка, потому что с точки зрения недооцененности ее активов она крайне соблазнительна.

Торговля между Россией и Украиной идет очень хорошо, но может идти еще лучше.

Причина, по которой этот рынок работает хуже, чем почти все другие развивающиеся рынки, состоит в том, что Правительство в любую минуту может ввести очередной закон, из-за которого экономический интерес будет потерян.

Эта страна не вызывает ни у кого никаких чувств, кроме пессимизма. Я не могу допустить, чтобы так продолжалось и дальше. Думаю, стоит внимательно взглянуть на происходящее, как это делаю я.

Мы пытаемся продемонстрировать определенный прогресс с точки зрения общего инвестиционного климата.

Я по-прежнему веду дела чисто, прямо и прозрачно.

У нас общая цель: реформировать финансовые институты, бороться с уклонением от налогов и налоговыми махинациями, вернуть мировую экономику на путь роста и создания рабочих мест.

Мы хотим видеть улучшения и в управлении корпорациями. Если это произойдет (а я думаю, что произойдет), то перед Россией откроются великолепные перспективы.

С. Сэдвик:

Самые зоркие из вас наверняка заметили, что звук шел с задержкой: сначала видно, что человек говорит, а только потом, секунд через пять, слышна речь. Надеюсь, это вас не сбilo. Наша интерактивная команда ПМЭФ попросила меня напомнить адреса: SPIEF2013OD@gmail.com по электронной почте, #SPIEF2013OD в Twitter. У нас уже есть один интересный твит: «Где взять волю, чтобы всерьез бороться с коррупцией? Это должна быть воля простых обывателей?» Я решил, что это очень интересный вопрос, и хотел бы, чтобы его начал обсуждать, если можно, Сергей. Насколько я понимаю, общественное мнение о коррупции в России сейчас меняется. Согласно многим документам, которые я видел, люди мирятся с ней гораздо охотнее, чем десять лет назад, когда она вызывала больше возмущения в обществе. Сергей, это справедливое наблюдение или дело в чем-то другом?

С. Беляков:

Трудный вопрос. Мне бы очень хотелось сказать, что отношение меняется. Но для того чтобы отношение поменялось, одной декларации намерений мало. Нужны результаты и примеры успешных кейсов, такие success stories, тогда человек поймет, что он защищен государством. Его не ставят в условия, понуждающие к коррупции, наоборот: гражданину, который послужил источником информации о попытке взяточничества, государство помогает и в

том конкретном случае, с которым он столкнулся, и путем дальнейшего упрощения процедур, которые едва не стали причиной коррупции.

Однако я не думаю, что общественное мнение полностью переменялось по отношению к коррупционному поведению. Доля бытовой коррупции очень велика. Приведу пример. Несколько лет назад в любом подземном переходе в Москве и Санкт-Петербурге вы могли купить диплом, трудовую книжку, паспорт — любые документы, необходимые для получения разного рода разрешений. Вы покупали их не у государства, и вас никто не заставлял это делать, но вы сами, не желая проходить законные процедуры — получать образование, регистрироваться, — предпочитали такую форму присвоения себе нужного статуса. И в данном случае сложность процедуры не является оправданием. На этой и подобных моделях поведения выросло целое поколение. Не хочу возвращаться к истории позднего Советского Союза, когда они получили массовый характер из-за тяжелой экономической ситуации, достаточно вспомнить самое недавнее прошлое. И пока что короткая память сильна.

С. Сэдвик:

Здесь я хотел бы вмешаться, поскольку это относится и к более общей проблеме. Когда я последний раз был в Москве, то слышал, как Премьер-министр сказал: «Не судите нас сейчас по нашим демократическим ценностям, поскольку мы — очень юная демократия, только-только, в последнюю четверть века, вышедшая из советской эпохи. Судите нас в долгосрочной перспективе».

Это как раз тот случай — не правда ли? — когда, по сравнению с советской эпохой, произошли колоссальные перемены: сначала в годы правления Ельцина, а затем сейчас, во времена Путина, когда все меняется очень быстро. Борис, не слишком ли мы критикуем темпы перемен в России, учитывая колоссальный переворот, переход к экономике, основанной не на

нефти и газе, — к экономике, которая, пусть и с запинкой, но все же принимает рыночные ценности?

Б. Титов:

Нас отчасти оправдывает то, что такие исторические катаклизмы произошли за очень короткий период. Ведь 25 лет назад в стране вообще не было предпринимательства. Но ошибок на этом пути мы сделали предостаточно. Уровень коррупции мог бы быть ниже, а уровень развития корпоративных методов управления страной — выше. Я согласен с Сергеем: бороться с коррупцией одним изменением законодательства сложно, хотя без него не обойтись. За последние годы мы приняли четыре пакета изменений только в отношении бизнеса, а я защищаю прежде всего бизнес.

С. Сэдвик:

Позвольте вмешаться: а как же правоприменение? Вы сказали, что согласны с Сергеем, но он-то говорил, что дело не в нагромождении новых законов: давайте обеспечивать применение тех, которые уже действуют. Правда?

Б. Титов:

Хорошо. Но я все-таки скажу, что нужно в первую очередь для победы над коррупцией в нашей стране. Мы должны развивать конкурентную частную экономику. Это очень просто. Пора уходить от сырьевой модели экономики, породившей коррупцию в последние десятилетия. Если повысится конкуренция, если возрастет число субъектов предпринимательства, то на основе бизнеса в стране сформируется мощный социальный слой собственников и среднего класса, и коррупция постепенно уйдет сама. Сейчас наша проблема именно в том, что коррупцию стимулирует структура общества. Но если она изменится в пользу среднего класса предпринимателей, увеличатся шансы на системное устранение коррупции, и

тогда понадобится законодательство, поддерживающее перемены в структуре общества.

С. Сэдвик:

Георг, прежде чем дать Вам слово, — а я знаю, что Вы тоже хотите высказаться по этому вопросу... Думаю, дело вот в чем: разве нет отчетливой связи между стабильностью среднего класса и уровнем коррупции? Разве нам не следует поощрять рост среднего класса, вместо того чтобы вести войну с коррупцией?

Г. Келл:

Вот именно. В конечном итоге все упирается в предпринимательство и в создание эффективных рынков, а рынкам нужны правила. А чтобы у рынков появились правила, нужно время. Со временем бизнес потребует, чтобы у всех игроков были равные начальные условия. Конкуренция и успех бизнеса должны быть основаны на предсказуемости и низких затратах на деловые операции. А коррупция, говоря по-простому, — это высокие затраты на деловые операции. Она не добавляет ценности, а отнимает ее. Так что если вы хотите выстроить экономику, где процветала бы конкуренция, очевидно, что проще всего добиться этого, преодолев коррупцию. Однако, чтобы создать соответствующие настроения в обществе, нужно время. Но я настаиваю, что есть и хорошие новости: появляется все больше предпринимателей, которые знают, что главные препятствия для них — это коррупция и затраты на деловые операции, а я на этом Форуме видел много очень честолюбивых российских предпринимателей, которые стремятся расти. Они не смогут стать конкурентоспособными в среде, не свободной от коррупции. Так что давление со стороны бизнес-сообщества неминуемо будет нарастать, и это замечательно.

Поэтому я совершенно согласен, что поощрять предпринимательство и тем самым косвенно способствовать росту среднего класса — это, несомненно,

надежный путь к снижению затрат на деловые операции. Приведу один пример в мировом масштабе. Во многих местах во всем мире сейчас поднимает голову бизнес-сообщество, и зачастую оно бросает вызов собственному правительству, заявляя: «Послушайте, мы не в состоянии конкурировать на мировом рынке, если наши институты не поддерживают нас, когда мы совершаем деловые операции. Поэтому, дорогое правительство, если можно, улучшайте общественные институты, чтобы мы смогли стать более конкурентоспособными».

С. Сэдвик:

Это забавные и давнишние споры. Вы будто читаете мои мысли. Кстати, и интерактивные вопросы тоже совпадают с теми, которые я сам собирался задать. Некоторые решения для этих проблем у нас уже существуют. Их предлагают и общество, и правительство, и предприятия, и средний класс, и предприниматели, и вот один из вас — тот, кто спрашивает: «Почему правительство не может платить своим чиновникам столько, чтобы им не имело смысла рисковать? Тогда чиновники перестанут брать взятки». Мне хочется, чтобы здесь в наш спор вступила Елена. Она первый заместитель председателя комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. По этому поводу уже поступило много ответов от аудитории. Как подсказывает Ваш опыт, особенно в жилищной сфере: насколько трудно там заключать контракты, получать лицензии, разрешения на строительство, отвод земель и так далее? Вам наверняка приходилось со всем этим сталкиваться.

Е. Николаева:

Жилищная сфера всегда очень коррумпирована, и не только в России, поскольку получение различных заказов и допуск на рынок чрезвычайно сложны. Я согласна с Сергеем: чем старательнее вы делаете эту систему

прозрачной, чем выше строите барьеры, тем больше предпринимателей, которые играют в короткую, пытаются решить свои вопросы нелегально. Могу сравнить коррупцию с онкологической болезнью. Пока эта опухоль невелика, она вроде бы не мешает организму, и он пытается жить дальше. Но чем шире развивается коррупция, тем быстрее она пожирает экономику, делает ее неконкурентоспособной и в конечном итоге разрушает весь механизм. Мы находимся на критической стадии, когда нужно честно признать, что если мы сейчас не поборем коррупцию, то у нас не сохранится конкурентный бизнес, а значит, экономика перестанет быть эффективной. Это касается и жилищной сферы.

Анализируя процедуры допуска к земельным участкам, к различной инфраструктуре, мы понимаем, что добросовестный предприниматель, не желающий обходить барьеры, доступа к этим возможностям так и не получает. Тот же, кто вступает в сговор с региональными, муниципальными властями, находит скорейший способ решения своего вопроса. А все издержки на нелегальную сделку вкладываются в себестоимость продукции, и мы получаем завышенную цену на рынке жилья.

Тема чрезвычайно острая, но я присоединяюсь к оптимистическому взгляду Сергея: есть распоряжение и соответствующий 600-й Указ Президента Российской Федерации, на основании которых мы должны планомерно отсекал возможности использования коррупционных схем, вводя более простые и прозрачные процедуры.

Коррупция существует не только между властью и бизнесом, но и внутри предпринимательского сообщества. Чрезвычайно опасной, труднорегулируемой сферой являются локальные монополии, например те, что предоставляют коммунальные услуги или доступ к этим услугам.

Государственная Дума выбрала очень верное направление, ужесточив наказание для чиновников, пытающихся легализовать доходы, полученные преступным путем. Такие методы позволят нам побороть коррупцию.

С. Сэдвик:

Вынужден Вас перебить. Вы, Сергей, сказали о пугающих масштабах коррупции; Вы, Елена — о «развивающейся раковой опухоли». Где же оптимизм? Если все так плохо, как вы говорите, — а ваши должности позволяют хорошо разбираться в том, что происходит и в общественной, и в частной, и в корпоративной жизни, — мне очень хочется увидеть переход от рака и печальных тенденций к оптимизму. Сергей, не хотите ли что-то сказать по этому поводу?

С. Беляков:

Моему оптимизму есть две причины. Совершенствование законодательства — хоть и не достаточная, но необходимая мера: мы создаем более простые процедуры и строже наказываем за вскрывшийся факт коррупции. Таким образом формируется новая модель поведения. Это первое.

В начальный постсоветский период правовая система не поспевала за переменами в обществе, а вести бизнес как-то надо было. Общественные отношения формировались в условиях отсутствия права как такового. Альтернативная модель решения вопросов возникла потому, что государство никак не регулировало эту сферу или регулировало ее недостаточно эффективно. Сейчас государство сформировало правовую систему и с переменным успехом старается побуждать предпринимателей держаться в рамках закона. Все выходящее за рамки закона не просто признается недопустимым, а карается. Нужна политическая воля, чтобы любое противозаконное действие наказывалось вне зависимости от того, кто и где его совершил. Ждать быстрых побед не приходится, но факты свидетельствуют о том, что политическая воля есть, и это вторая причина быть оптимистом. Значит, общество реагирует на наши сигналы и начинает вести себя по-другому. Вы можете сказать, что общество — колоссальный организм, изменить его поведение за несколько лет невозможно. Возможно. Платные дороги тоже казались чем-то космическим, но прошло время, и люди

спокойно платят. Нужно сказать: вот правила игры, они одинаковые для всех, а если кто-то не хочет им следовать, власть отреагирует соответственно. И объяснить, что жесткая реакция государства в отношении тех, кто ведет себя недопустимым образом, совпадает с интересами всего общества: никто не сможет использовать коррупцию как элемент недобросовестной конкуренции, как допинг в спорте.

С. Сэдвик:

Наша встреча подходит к концу, но мне хочется поднять еще один вопрос: мы с Георгом говорили об этом перед заседанием. Существует закон США «О коррупционной деятельности за рубежом», «Руководство ОЭСР» и Конвенция ООН против коррупции. Это международная проблема, так что у нее, разумеется, есть международные решения. Мы говорили о России как об отдельном, изолированном случае, но ведь на самом деле Россия, как я подчеркнул, когда привел в пример результаты интернет-поиска, — всего лишь одна из множества стран, столкнувшихся с проблемой коррупции. У этой проблемы есть и международные решения. Вы упоминали о технологиях. Но ведь технологии не только помогают решать проблему, но и усугубляют ее, не правда ли?

Г. Келл:

Правда. Однако тут помогают глобальная интеграция и сотрудничество между предприятиями посредством цепочек поставок и цепочек добавления стоимости. Благодаря глобальному сотрудничеству, по всему миру распространяются самые удачные способы борьбы с коррупцией, которые все чаще становятся нормой. Предприятия учатся сотрудничать в этой борьбе при помощи так называемых коллективных действий. Если рассматривать коррупцию с точки зрения отдельной корпорации, это, разумеется, убыточно. Например, ты платишь деньги, чтобы получить разрешение на какую-то деятельность, и если у тебя есть выбор, ты, конечно, предпочтешь не платить.

Но если не станешь платить, можешь потерять бизнес. Как же быть, если хочешь остаться в бизнесе и при этом не хочешь платить за разрешение? Надо объединиться с другими компаниями, настроенными таким же образом, которые тоже хотят снизить затраты на деловые операции. Тогда создается коалиция компаний-единомышленниц — честлюбивых, стремящихся к росту, желающих добиться успеха и при этом остаться чистыми. Вот это и называется коллективными действиями. Такое происходит по всему миру, и это хороший знак. Главный импульс подобному объединению обычно дают крупные корпорации, потому что они видят серьезный риск для своего бренда. Я могу привести несколько примеров того, как весьма заметные международные компании на собственном горьком опыте убедились, что в долгосрочной перспективе коррупция — это неправильный выбор. Борьба с коррупцией — дело долгое и нелегкое. Надо начинать со всех сторон одновременно: и со спроса, и с предложения, и со всего прочего. А цепочки добавления стоимости обеспечивают ту самую точку, где компании-единомышленницы могут, так сказать, объединяться в команды.

С. Сэдвик:

Теперь мне хотелось бы, чтобы Вы, Борис, высказали заключительную мысль по этому поводу. В каком направлении нам теперь двигаться? Как нам двигаться вперед — и на международной арене, и конкретно в России? Потом мы выслушаем еще одно соображение вот этого господина, а затем все, кто хочет высказаться, смогут это сделать, однако надо задавать краткие вопросы и давать на них краткие ответы. Давайте первым выслушаем Вас, Борис.

Б. Титов:

Конечно, борьба с коррупцией — внутреннее дело каждого государства, но мировой опыт тоже должен использоваться. Проблемы у нас похожие, зачастую похожи и методы их решения. Что внушает нам оптимизм? В 90-е годы мы выходили в свой бизнес как на войну; при полном отсутствии

законодательного поля у нас были особые способы уладить взаимоотношения, заставить выполнить условия контракта. Но мы победили тот период, когда предприниматели решали проблемы силовым путем. Сегодня никто не помнит о бандитах, о мафии. Такой проблемы в России нет в принципе. Мы прошли этот этап эволюции. И я думаю, что коррупция — тоже этап в развитии нашего рынка.

С. Сэдвик:

То есть наблюдается какой-то прогресс?

Б. Титов:

Да. Если в стране будет развиваться бизнес и сформируется средний класс, коррупция постепенно уйдет. Но этому надо помогать.

С. Сэдвик:

Сергей, мы выслушаем от Вас очень короткий вопрос, а потом дадим слово вот этому господину и вон тому. Хорошо! Вы решили не использовать Twitter, я вижу. Давайте быстро выслушаем вопросы, а потом получим очень краткие ответы: это будет полезно. Если можно, адресуйте вопросы конкретным участникам дискуссии.

О. Ситников:

Большое спасибо. Олег Ситников, Ямало-Ненецкий автономный округ, Новый Уренгой. Я предприниматель уже 25 лет, могу судить по своему опыту не только о 90-х годах, но и о конце 80-х. Вот что я хотел бы сказать и имею право сказать, 25 лет занимаясь предпринимательством, причем на Крайнем Севере, на южном берегу Карского моря, а не на южных курортах. Мне понравились эти медицинские сравнения, и я хотел бы добавить свое. Что все-таки нужно лечить: причину или следствие? Я считаю, причину. И за нее всегда несут ответственность обе стороны — и дающая, и берущая. Возьмем

ответственность чиновника. Если он знает, что за положительное решение вопроса ему готовы платить, и у него есть инструкция на 400 страниц, где найдется пункт «отказать», то он откажет. А тебе надо работать, и что делать? Но если чиновник знает, что с него потом спросят, он может оправдаться: а вдруг меня накажут. Все, спасибо.

С. Сэдвик:

Это очень важные соображения. Я хочу добавить еще кое-какие замечания. Итак, у нас есть взятодатели и взяточники, и нам нужно применять правоохранные меры к обеим сторонам. Большое Вам спасибо за то, что поделились с нами своим опытом в этой области. Давайте выслушаем еще один-два вопроса.

Н. Сасин:

Николай Сасин, Ставропольский край, уполномоченный по правам предпринимателей. Я полностью согласен с Борисом Юрьевичем: если средний класс будет активно развиваться, мы поборем коррупцию.

Сергей, вот Вы говорите, что сегодня в плане законодательства сделано практически все, чтобы избавиться от коррупции. Но пока в работе правоохранительной и судебной систем бытует избирательный подход, когда к особым людям применяются особые меры, мы не сможем побороть коррупцию. Спасибо.

С. Сэдвик:

Кто-нибудь хочет дополнить? Сергей, а избирательное правоприменение — это проблема или нет?

С. Беляков:

Конечно, согласен. Правда, я не говорил, что законодательство для борьбы с коррупцией развито достаточно. Недостаточно, но работать над этим

необходимо. А такие случаи, когда законодательство применяется избирательно, надо искоренять, это очевидно.

С. Сэдвик:

Господин из первого ряда, пожалуйста.

В. Бойко-Великий:

Спасибо. Василий Бойко-Великий, президент агрохолдинга «Русское молоко». Я хотел бы высказаться на тему законодательства. За последние лет пять было потрачено 40 миллиардов рублей на создание новой системы регистрации прав собственности на недвижимость — земельные участки и сооружения. Этим занималось Министерство экономического развития. Сегодня регистрация идет достаточно оперативно и технически четко. Но в регистрации прав на земельные участки существует катастрофический пробел. Кадастровая палата регистрирует участки по цифровым координатам, не учитывая объекты, зарегистрированные ранее по картографическим материалам, не сличая новую информацию со старой. Министерство экономического развития дало кадастровой палате такое право, подтвердив своими регулирующими письмами, что она не обязана учитывать права, зарегистрированные в 80-е, 90-е, в начале 2000-х годов. Координатный метод был введен только в 2004 году.

Сейчас практически в любом регионе кадастровая карта — это белое поле с вкраплениями отдельных объектов. Граждане, представители предприятий пытаются зарегистрировать землю на основе картографического материала, и тут оказывается, что их земля уже кому-то принадлежит, кто-то пришел и поставил участок на кадастр. Суды забиты исками, правовое урегулирование отсутствует. Я постоянно сталкиваюсь с этой проблемой.

С. Сэдвик:

Огромное Вам спасибо. Можно нам услышать не вопрос, а краткое сообщение?

В. Курочкин:

Владислав Курочкин, первый вице-президент «ОПОРЫ РОССИИ». У меня вопрос ко всем участникам дискуссии. Ни для кого не секрет, что мы переживаем этап, когда само право используется как инструмент ненадлежащего обогащения привилегированной части общества. В связи с этим я не могу разделить утверждение Сергея о равной ответственности обеих сторон сделки. Оптимизм у нас тоже есть, но он основан на том, что изменяется общественное сознание. Не считаете ли вы, что следующим шагом в изменении отношения к коррупции должен быть пересмотр самого определения коррупции? Прежде всего надо четко обозначить, что это система извлечения ненадлежащих привилегий и благ, тогда мы автоматически выведем из-под удара всех тех, кто дает взятки, чтобы обеспечить свои конституционные права.

С. Сэдвик:

Огромное Вам спасибо. Насколько я знаю, Вы хотели бы сделать по возможности краткое замечание.

Е. Николаева:

Я постараюсь ответить на этот вопрос. В последнее время мы действительно наблюдаем попытки легализовать различного рода преференции через нормативные акты. Недавно в Государственной Думе произошел серьезный скандал, когда на обсуждение была вынесена законодательная инициатива, откровенно дававшая преференции некоторым участникам рынка, в частности речь шла о ритейле. Мы очень жестко выступили против этой инициативы. Боюсь, попытки легализации недобросовестных доходов будут и в

дальнейшем. Надо тщательно проводить мониторинг такого рода угроз. С определением коррупции я бы тоже была очень аккуратна.

С. Сэдвик:

Значит, здесь тоже нужна упреждающая система. Сейчас я дам слово этому господину: он был так терпелив. Всего одно замечание, и мы завершим дискуссию.

А. Савенков:

Добрый день. Александр Савенков, Совет Федерации, заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества. Во-первых, для меня важнее всего, что в России заговорили о коррупции. Во-вторых, не надо упрощать проблему до оппозиции «недобросовестный коммерсант — недобросовестный чиновник». Коррупция — транснациональное явление, мы и собрались-то здесь, чтоб обсудить глобальную коррупцию. Повсюду преступный мир считает ее своим основным инструментом. Коррупция — это и оружие, и наркотрафик, и экстремизм. Когда мы говорим, что в такой-то стране объем коррупции достиг 300 миллиардов долларов, не надо забывать, что ежегодный объем преступной «экономики» составляет 16,5 триллионов долларов. Это цифры несопоставимые, поэтому с коррупцией нужно бороться системно и не в одиночку. Важно, что Россия сегодня представлена в Организации экономического сотрудничества и развития, что она активно работает с греками, наконец, важно то, что мы обсуждаем это на Форуме.

С. Сэдвик:

Хорошо, но вас воодушевляет, собственно, тот факт, что мы вообще об этом беседуем, что беседа наша происходит в России, верно?

А. Савенков:

Безусловно! Особенно когда представители Министерства экономического развития говорят о том, что одних государственных мер недостаточно. Подумайте, могло ли это быть в нашей стране 10-15 лет назад. Поэтому Сергей Юрьевич молодец и поступает правильно.

С. Сэдвик:

Я хочу задать еще один вопрос — от Роберта, который говорит: «Разве не становится трудно бороться с коррупцией, когда размыта грань между властью и бизнесом?» Это вопрос от нашей интерактивной команды. Большое Вам за это спасибо. К тому же, для меня это в новинку: получать вопросы на iPad. Хочу организовать быстрый опрос. Я знаю, что участники моей дискуссии — оптимисты; знаю, что и Елена оптимистка: все с оптимизмом относятся к нынешнему прогрессу в России. Именно о происходящем здесь, в России, мы в основном и беседовали. Поэтому я и хочу устроить неофициальное голосование: поднимите руки. С оптимизмом ли вы относитесь к прогрессу в борьбе с коррупцией?

Отлично. Я бы сказал, оптимистов здесь в районе 5-10%. Значит, господа, значит, Елена, впереди большая работа. Я потрясающе провел здесь время. Мне очень понравилось. Думаю, мы узнали и о многих мерах профилактики: о смене людей, о протестах, правительстве, бизнесе, о том, что нужно разделять власть и бизнес, о среднем классе, предпринимательстве, международной поддержке, международных стандартах и законодательстве. По-моему, есть чем заняться. Огромное спасибо Борису Титову, Георгу Келлу и, конечно, Сергею Белякову. Огромное Вам спасибо, Елена Николаева. Огромное спасибо всем. Сегодняшний день доставил мне массу удовольствия. К тому же, я узнал много нового. Очень приятно видеть всех вас. Спасибо.